

Кит на пляже

Винко
Мёдерндорфер

Перевод Виктора Сонькина

МИО

МИФ Подростки

Винко Мёдерндорфер

Кит на пляже

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2018

УДК 821.163.6-93
ББК 83.8:84(4Сло)-44

Мёдерндорфер В.

Кит на пляже / В. Мёдерндорфер — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2018 — (МИФ Подростки)

ISBN 978-5-00-195321-0

Ника – лучшая ученица в классе. Она бегло говорит по-французски, блистает на уроках испанского и немецкого, а ещё играет на фортепиано, занимается йогой, лепкой и фехтованием. Но у неё есть один секрет. Она никогда не зовёт друзей в гости и боится даже издалека показать им свой дом, а втайне мечтает сбежать от родных. Но однажды секрет, который тяготит всю её семью, раскрывается... Книга будет интересна детям среднего и старшего школьного возраста и их родителям.

УДК 821.163.6-93
ББК 83.8:84(4Сло)-44

ISBN 978-5-00-195321-0

© Мёдерндорфер В., 2018
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2018

Содержание

Мальчики бегут, мы смотрим	6
Скорая помощь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Винко Мёдерндорфер

Кит на пляже

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

KIT NA PLAŽI

Copyright © Mladinska knjiga Založba, d.d., Ljubljana, 2018

© Сонькин В.В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

Мальчики бегут, мы смотрим

– Мне кажется, нам надо сбежать из дома, – со вздохом сказала я после затянувшегося молчания. Мы уже давно с мрачным видом сидели на низкой каменной ограде, которая отделяет школьный двор от спортивной площадки.

Мальчики завершали третий круг из шести. Большинство наших одноклассников уже сильно отстало от группы самых крутых парней во всей школе – мальчиков из девятого «А». Только Алекс буквально наступал победителям на пятки. Парни из нашего восьмого «Б» ходили на физкультуру вместе с девятиклассниками, а у нас в это время занятий не было.

– Да, – повторила я, – мне кажется, нам надо сбежать из дома.

Опять никакой реакции не последовало, хотя я не сомневалась, что и Петра, и Барбка меня отлично слышали. Но они даже не пошевелились. Обе сидели, уставившись на беговую дорожку, где Алекс уже вышел вперёд и теперь на несколько метров обгонял всех остальных. Он взглянул в нашу сторону, улыбнулся – зубы у него были такие белые, что показалось, будто зажёгся прожектор, – и помахал мне рукой. Именно мне, хотя Петра и Барбка тоже помахали ему в ответ.

– Ну?! – произнесла я как можно громче, в смысле «вы вообще слышали, что я говорю?». И опять ничего.

Мальчики бегут последний круг. Теперь мы смотрим им в спину. Господи, какие наши-то хлипкие. Я решила, что повторю и в третий раз:

– Нам надо сбежать из дома!

На этот раз Барбка (её зовут Барбара, но все говорят «Барбка») склонилась к своему телефону, который она никогда не выпускает из рук, и что-то быстро напечатала. Я закатила глаза, вытащила из кармана свой телефон и дождалась писка, а потом взглянула на экран. «Почему ты считаешь, что нам надо сбежать из дома?» Я хотела написать ответ, но мне показалось, что это уже какой-то идиотизм. Барбка сидит передо мной, опершись спиной о мои колени. Зачем посылать ей текст по телефону, если можно просто ответить?

Я ответила:

– Потому что дома скука смертная.

Барбка опять что-то написала, и мой телефон снова пискнул. «И у меня».

– Ну и чтоб родители немножко подёргались. Так, не всерьёз. Мы же далеко не уедем. Не знаю. До моря на поезде. Автостопом до побережья. И домой.

Барбка опять что-то набирает. Не буду отвечать. Поворачиваюсь к Петре:

– Петра, а ты что думаешь?

Не отвечает; не может оторвать взгляда от наших парней, которые бегут предпоследний круг. Я дёргаю её за ухо. Она только мычит в ответ, и всё. От парней её не оторвать. Особенно от Алекса, который уже обогнал всех девятиклассников. Теперь мы снова видим их лица: они бегут в нашу сторону. Алекс улыбается и смотрит на нас. На меня.

Мой телефон опять подаёт сигнал, но смотреть я не хочу. У Барбки странная манера: она очень мало говорит, только пишет сообщения. Недавно она даже нашей литераторше, в смысле учительнице словенского, которая вызвала её к доске, написала сообщение: «Простите, у меня болит живот». У той на столе завибрировал телефон. Литераторша – а она наша классная руководительница – вообще не поняла, что происходит, и сурово на всех посмотрела. У нас строгие правила: во время учёбы пользоваться телефонами и компьютерами нельзя. Но телефон опять зажужжал. Учительница посмотрела на Барбку, которая сидит на втором ряду, прямо за мной, и Барбка дёрнула головой: мол, это ваш телефон. Учительница взяла свой телефон со стола – у неё он допотопный, такой старый, что она могла бы его за большие деньги продать в политехнический музей, – прочитала сообщение, взглянула на Барбку и понимающе кивнула.

– Хорошо, Барбара, подготовься к следующему уроку.

На других уроках она бы так легко не отделалась. Но литераторша – наша классная, и к Барбке по неизвестной мне причине она относится очень благосклонно. Не понимаю, почему ей всё позволяют. На меня набрасываются моментально, даже если я ничего ужасного не делаю. Ну и конечно, как только литераторша положила свой доисторический телефон на стол, он запищал снова; Барбка ей написала: «Спасибо».

Вот ведь идиотизм.

Но все, видимо, уже привыкли, что Барбка не разговаривает, а пишет. Может, станет писательницей? Не знаю. Мне вообще-то не кажется, что тот, кто в школьные годы быстрее всех набирает сообщения, потом за это получит Нобелевскую премию по литературе. Но всё-таки – мало ли? «Уважаемая шведская Нобелевская академия, я должна открыть вам один секрет. Прежде чем написать все свои толстые романы, я многие годы тренировалась в телефоне. Что горячо рекомендую всем коллегам. Спасибо, спасибо».

Всё-таки ужасный идиотизм – общаться через экран телефона с человеком, который сидит прямо рядом с тобой.

– Ну так чего, Петра? Сбежим из дома? Пусть предки немножко понервничают? – спрашиваю я снова: не пропадать же хорошей идее.

В школе меня ценят за хорошие идеи. И мне надо поддерживать эту свою репутацию. Мы, правда, здесь только с осени: приехали в город, поселились в новом доме (об этом позже), но я уже завоевала всеобщее одобрение. Хотя ничего особенного из себя не представляю. Ну, в смысле, внешне. Из всех девчонок в классе я самая мелкая. Лицо у меня маленькое, вокруг носа – целое созвездие веснушек. Меня они раздражают, и я бы с радостью от них избавилась, но некоторые – даже парни – говорят, что веснушки очень симпатичные. Понятия не имею, так это или нет. Волосы у меня совершенно обыкновенные, каштановые и прямые; иногда они меня ужасно бесят. Тонкие такие, неинтересные. Петра мне предлагала покраситься в блондинку, как она, потому что на самом-то деле она тоже совершенно обыкновенная шатенка; но мне кажется, что это глупость. Петра ещё, в отличие от меня, всегда вызывающе одета. Мне кажется, она не очень понимает, какие цвета друг к другу подходят. У неё есть две старшие сестры, и она часто приходит в их одежде. И красится. Недавно пришла с накладными ресницами. Сказала, что от этого у неё глаза красивее. Я не крашусь. Не хочу. Зачем? По-моему, у меня и так красивые глаза, как у папы, карие и глубокие. Матъяж в бывшей школе мне так и сказал: «Ника, у тебя такие глубокие глаза». Мне ещё никто не говорил ничего такого. Что это было – признание в любви? Не знаю. Может быть. Мне вообще-то кажется, что парням я вполне нравлюсь. Они со мной с удовольствием общаются. Но не знаю, это чтобы я им помогла с математикой или физикой или потому, что они что-то во мне находят.

Короче, с популярностью у меня никаких проблем нет. В новой школе про меня тоже сразу все узнали. Меня знают, потому что я много раз придумывала разные интересные вещи. Кое за какие меня даже хвалили; за многие другие, конечно, нет. Когда я предложила, чтобы во Всемирный день защиты животных каждый принёс в школу какое-нибудь животное и всем

показал, как плохо люди с ними обращаются, как много видов животных под угрозой исчезновения, классная руководительница отправила меня к директору. Правда, только после того, как кошка Петры её здорово оцарапала. Конечно, в классе оказалось больше всего кошек и собак, хотя я надеялась, что одноклассники проявят больше фантазии: не только ведь кошки и собаки – животные, есть ещё хомячки, мыши, крысы, мухи, гусеницы; вши, в конце концов, тоже животные... Я принесла свою крысу. Не серую длиннохвостую, а домашнюю лабораторную крысу, *Rattus norvegicus*. Свою белую крысочку по имени Филомена. Собственно, это из-за Филомены кошка Петры взбесилась и сильно оцарапала литераторшу, которая завопила и так яростно взмахнула руками, как будто участвует в олимпийских соревнованиях по баттерфляю. В результате она задела маленький стеклянный аквариум Барбки, в котором плавали три маленькие золотые рыбки. Он упал на пол и разбился. Рыбки полетели к доске. Кошки – ничего удивительного, такова природа кошек – тут же озверели. Они и так-то бесятся при виде золотых рыбок, это и по мультфильмам известно. Вслед за кошками занервничали собаки. Они залаяли так, как будто кто-то прямо у них перед носом рассыпал гору их любимого собачьего корма. Весь класс рванулся спасать золотых рыбок. Матевж достал полиэтиленовый пакет, наполнил его водой, я ловила рыбок под учительским столом, а Филомену выпустила, отчего психанул Йошко, бульдог Милана, и погнался за ней, а она побежала прямо на учительницу. А пол был мокрый, и наша классная, держась за оцарапанную руку, поскользнулась и грохнулась на задницу. Короче, цирк. Вряд ли стоит говорить, что я не успела поделиться с классом мыслями, которые подготовила по случаю Дня защиты животных. Он превратился в день балагана, как мне чуть позже в своём кабинете сообщил директор.

Но всё-таки не всё, что я предлагаю своему новому классу, кончается таким провалом. Например, я предложила меняться книгами и собрать классную библиотечку. Больше всего, естественно, оказалось моих книг; у некоторых одноклассников дома вообще нет книг, они же дорогие. За такую инициативу меня похвалили. Ещё я предложила, чтобы на окнах в нашем классе стояли не цветы, а что-нибудь экологически более осмысленное: фасоль, пшеница, помидоры. За это меня тоже похвалили, хотя не очень, потому что этот наш импровизированный огород пришлось, естественно, поливать, стены под окном всё время были мокрые, и с них начала сыпаться штукатурка. И так далее и тому подобное.

В «день балагана», как выразился директор, я поняла одну важную вещь. Я узнала истину о моих новых одноклассниках. Одновременно это знание касалось и всех людей вообще. А именно: любое животное, которое человек держит дома, каким-то образом отражает его самого, его сущность, если так можно выразиться. У меня, например, живёт лабораторная крыса – любознательная, упрямая, быстрая, выносливая. Это и мои свойства. Или вот Барбкины рыбки. Это же Барбка: тихая, как рыба, незаметная. Она часто с нами, но мы её практически не замечаем. Недавно мы набирали женскую команду по гандболу, и про неё просто-напросто забыли. Бегали как бешеные и кричали: «Одного игрока не хватает!» А она стояла в сторонке и ждала. Так получается: её мимоходом, не нарочно, не замечают. Как будто она сливается с фоном. Как, знаете, некоторые рыбы похожи на водоросли, чтобы их хищники не заметили. Скорее всего, она поэтому общается с миром при помощи сообщений. Телефон запищит, и мы все понимаем, что кто-то нам что-то сообщает. Взглянем на экран, и тогда Барбка нам скажет, о чём она думает. Ну скорее всего. Не знаю. Или вот Йошко, бульдог Милана. Они очень похожи. Оба неуклюжие. Милан и разговаривает неуклюже. Он часто как что-нибудь скажет, а потом сбивается, краснеет как рак и что-то бормочет... И так далее; моему, пока хватит.

– Петра! Так чего, сбежим из дома, пусть понервничают? – повторила я ещё раз.

Петра по-прежнему не сводит глаз с парней, которые бегут в нашу сторону. Наши одноклассники выглядят как живые мертвецы. Девятый «А» обогнал восьмой «Б» на полкруга. Но при этом наш Алекс обогнал своих бывших одноклассников. Теперь он смотрит на нас и сме-

ётся. Ему приятно, что мы за ним наблюдаем. Вообще-то, не исключено, что он самый быстрый просто потому, что он старше всех. Он дважды оставался на второй год: в шестом классе и в восьмом. Школа его не очень интересует. На днях он мне говорил, что ждёт не дожждётся, когда уже можно будет уйти из школы, и что ему всё равно, окончит он девятый класс или нет. В любом случае он пойдёт работать к отцу, на автомойку. У его отца их даже две: ручная и автоматическая. Алекс уже работает на ручной и одних чаевых собрал столько, что летом сможет купить мотоцикл. Он очень симпатичный. Некоторые девчонки даже говорят: красивый. Ну, может быть. Папа – а он у меня очень умный – говорит, что ум важнее красоты.

У Алекса тёмные волосы, довольно длинные; они ему всё время заслоняют глаза. И он постоянно смеётся. Даже когда ничего смешного не происходит. Наверное, потому что ему всё равно и потому что он, как бы сказать, простоват. Поэтому Петра вечно за ним увивается и вообще не видит, что Алекса она совершенно не интересует. Петра говорит, что будет парикмахершей. Не хозяйкой салона, – мама ей сказала, что это слишком сложно; просто хочет работать парикмахершей. Ей кажется, что это очень круто. Помоешь людям головы, немножко причешешь, одновременно слушая радио, и идёшь с девчонками в кафе. Я её спросила: «Петра, а ты в этом видишь смысл жизни?» А она на меня уставилась и ничего не ответила. Наверное, подумала: «Смысл жизни? А с чем его едят?» В общем, нет никакого смысла обсуждать с ними смысл жизни. А с Алексом мы подружились после первого же полугодия, когда у него в таблице уже стояли три двойки. Классная попросила меня помочь ему с математикой: у меня с ней никаких проблем нет; ну и ещё с химией и историей. Я не понимаю, почему некоторым людям не даётся математика и почему они ничего не понимают в химии. Милан меня тут спрашивал: как так у тебя одни пятёрки, если ты говоришь, что ничего не учишь? Я не понимаю, что на это можно ответить. Ну, в школе послушаю, дома немножко полистаю учебник, всё же так логично. И интересно.

Алекс в школу ходит без книг и тетрадок, но он сразу же радостно согласился со мной заниматься. Два раза в неделю мы с ним остаёмся после уроков примерно на час. Он совсем не такой тупой, каким притворяется. Сидит рядом со мной и быстро всё схватывает. После первой же недели дела с математикой у него улучшились. Классная меня похвалила. А Петра немножко ревновала. На биологии она мне шепнула, что Алекс умеет отлично целоваться. «Да? – сказала я. – А ты с ним уже целовалась или что?» Я нарочно сказала это громко, чтобы Птенец-географ тоже слышал. Учителя по географии мы зовём Птенец, потому что у него такая маленькая, коротко стриженная головка – натуральный птенец. А рот большой. *Aquila chrysaetos*. У птенцов беркута вот ровно такая голая голова и огромный клюв. Это прозвище, естественно, придумала я. У остальных такого воображения нет. Я предлагала одноклассникам придумать прозвища всем учителям – и мы их придумали. Я написала список и раздала всем. Потом, правда, список каким-то образом добрался до учителей, и мне опять пришлось идти к директору.

В общем, Петру я нарочно громко спросила: «А ты с ним уже целовалась или что?» – чтобы она покраснела и призналась: «Да нет, мне говорили».

А Птенец-географ сказал: «Ника! Не мешай работать».

Я вежливо улыбнулась и ответила:

– Простите, господин Пте... – и быстро исправилась: – Господин учитель.

Класс засмеялся. Птенец несколько удивился: почему вдруг все смеются? Он сказал:

– Да, ты знаешь географию лучше всех в классе, но всё равно у тебя нет права мешать остальным. Поняла?

Я кивнула.

– Конечно. Простите, господин... – и замолчала, как будто не знаю, как его назвать. Все снова засмеялись. – ...Господин учитель.

– Ты что говорила? – спрашивает Петра, не отрывая взгляда от парней, которые бегут в нашу сторону.

– Я предлагала сбежать из дома, чтобы у родителей прибавилось седых волос. Мой отец за одну ночь точно поседеет, – говорю я со смехом: вспомнила, что он часто повторяет: «Доведёшь меня до седых волос».

Петра пожимает плечами.

– У меня папа лысый, – говорит она на полном серьёзе. Я закатываю глаза. Ужас какой, она всё понимает буквально.

На телефон опять приходит записка. Понятно, Барбка хочет со мной поговорить. У меня уже два непрочитанных сообщения. Открываю первое. Там написано: «Я бы тоже сбежала». Во втором: «Дома, наверное, вообще не заметят, что меня нет».

Парни уже совсем близко. Алекс ржёт и строит рожи. Ему остался последний круг. Он несколько раз подскакивает, как кенгуру. Выделяется. Хочет, чтобы мы поняли, как легко ему удалось всех обогнать. Петра встаёт; она сильно нервничает и думает, что Алекс смотрит именно на неё. Я тоже встаю. Барбка опять что-то набирает в телефоне. Я поднимаю руки и подпрыгиваю несколько раз: «Уа-а-а-а! Уа-а-а-а! Уа-а-а-а!» Я такое видела по телевизору; так скачут болельщики на матчах американского футбола. Алекс машет мне рукой. Петра, естественно, машет в ответ, как будто он ей махал. Алекс подпрыгивает ещё выше и снова машет. Прыгает он высоко, обе ноги в воздухе, как будто хочет помахать и руками, и ногами. При этом его длинные ноги слегка заплетаются, он машет руками, стараясь удержать равновесие, но земля и Ньютон хватают его за нос и притягивают вниз. Ноги у него сопротивляются, руки тоже, молотят воздух, как будто он хочет взлететь, но Алекс всё-таки грохается лицом вниз и проезжается носом по красно-жёлтому песку.

Траектория оказывается довольно длинной. Он никак не может остановиться. Пятки у него поднимаются всё выше и выше, а нос движется по земле. Наконец он всё-таки останавливается и в этом смешном положении замирает. Похож на страуса, который решил сунуть голову в песок и слишком поздно сообразил, что вообще-то стоит на скале.

Очень смешно.

Если бы не было так обидно.

И больно.

Скорая помощь

– А-а-а-а-а! – закричала Петра и закрыла рот ладонями, как парикмахерша в какой-нибудь британской комедии. Барбка быстро что-то набрала в телефоне, и мне тут же пришло сообщение. Позже, когда я посмотрела, что она мне писала, я прочитала: «Уй-й-й. Больно же».

– А-а-а-а-а-а! А-а-а-а-а-а! А-а-а-а-а-а! – орала Петра, а парни из девятого «А» злорадно перепрыгивали через своего бывшего одноклассника, который лежал на земле с высоко поднятой задницей. И вообще не шевелился. Лежал себе и лежал, как будто не мог поверить, что с ним случилось, как будто ждал, что плёнка станет крутиться в обратную сторону и, не упав, он победоносно добежит до финиша. Такое, конечно, бывает только в кино. Наши одноклассники перескакивали через Алекса, как будто это очередное препятствие на беговой дорожке. Никто ему не пытался помочь. Матевж даже засмеялся во весь голос. А с противоположного конца площадки к лежащему на земле Алексу медленно приближался Бочонок.

Бочонок – наш учитель физкультуры. Я думаю, объяснять, как он получил своё прозвище, нет необходимости. И кто его придумал – тоже не надо.

Я развернулась и побежала к школе, потому что вспомнила, что у входа на стене висит аптечка первой помощи. «В таких ситуациях важно сохранить присутствие духа, – много раз говорил мне папа. – Паника – это самый худший вариант развития событий». И я сохранила присутствие духа. Ворвалась в здание, открыла дверцу шкафчика, вытащила из аптечки вату, бинт, пузырёк с бактерицидным средством; и прежде чем Заяц, наш охранник, успел открыть рот (это прозвище я ему дала, потому что у него очень сильное косоглазие, и, разумеется, с тех пор никто его иначе не зовёт), я уже умчалась назад на спортплощадку.

Уперев руки в боки, Бочонок лениво прохаживался вокруг Алекса, а тот сидел на земле и держался за нос. Рядом стояли Петра и Барбка. Петра, разумеется, по-прежнему закрывала рот рукой, из-под которой доносилось: «А-а-а-а-а, а-а-а-а-а, а-а-а-а-а!» Барбка что-то с бешеной скоростью печатала в телефоне.

Я присела на корточки рядом с Алексом. Он посмотрел на меня страдающими глазами. Точно такой взгляд я в последний раз видела в зоопарке. Мы всей семьёй ходили в зоопарк; мне казалось, что это ужасная глупость, но папа и мама настаивали: «Мы же семья, а семья должна ходить в зоопарк». Они повторяли это всю дорогу и туда, и обратно. А на мой взгляд, выходило как-то по-дурацки. Шёл дождь. По-моему, хорошей погоды не было ни секунды, пока мы были в зоопарке. А в клетке с орангутанами на полу сидел маленький орангутанчик, у которого братец только что утащил банан. Ровно так же – беспомощно, бессильно, со слезами на глазах – посмотрел на меня Алекс, когда я присела рядом с ним с полными руками медицинских средств.

– Да ничего страшного, – заявил Бочонок. – Я говорил, на девочек не заглядываться, пока бежите, – и усмехнулся довольно злобно.

Я обработала Алексову рану. Бочонок издали давал советы:

– Ещё немножко вокруг носа! Да, вот, вот так! Осторожно, а то спирт попадёт в глаза. Нет, нет, не надо бинтом, у него же голова не треснула. Только дезинфицируй. Да, парень, нос у тебя будет что надо. Кто ж в тебя такого влюбится? – изгалялся Бочонок.

Мальчики пошли переодеваться, оглядываясь на нас. Некоторые недобро улыбались.

– Чего смотрите? Никогда, что ли, не видели, чтобы человек пялился на девочек и навернулся? – крикнул им Бочонок.

Алекс осторожно пошевелился. Я взяла его за руку.

– Можешь встать? – спросила я.

– Можешь встать? – спросила Петра.

Алекс кивнул мне. Ему было неловко.

– Девочки! – воскликнул Бочонок. – Он же нос разбил, а ноги-то у него в порядке.

Папа всё время говорит, что на глупости не следует обращать внимания. Я не обратила внимания на ироническое замечание Бочонка.

– Я тебе помогу. Ты только скажи, – сказала я Алексу.

– Ты только скажи, – повторила Петра.

А Барбка на этот раз не послала ни одного сообщения. Только смотрела с глупым видом, держа телефон в руке. Скорее всего, она уже давно успела всем сообщить о случившемся.

– Господин учитель! – воскликнула я, пока мы медленно двигались в сторону школы, как раненые солдаты, которых отослали с фронта. – У меня идея!

Бочонок испуганно взглянул на меня.

– Давайте организуем краткий курс первой помощи!

Бочонок сглотнул и кивнул:

– Это можно.

– Прямо на следующей неделе, – сказала я. – Я могу подготовить план. Посмотрю в книгах и в Сети. Мы можем научиться перевязывать разные раны, открытые переломы, вывихи, обрабатывать ожоги...

– Ага, ага, – перебил он, – я подумаю.

– Нам бы это очень пригодилось. И интересно будет! Весь класс перевяжем. Можно сделать целую фотоинсталляцию. И фильм снять! – У меня разыгралась фантазия. Я уже видела фотографии перевязанных одноклассников. – Может быть, можно где-нибудь достать инвалидные кресла...

– Это всё отличные задумки, Ника. Но...

– Что «но»? – грозно спросила я.

– вспомни, что было с Днём природы.

– Ну, прокол, – призналась я. – Но мы всё равно задумались о том, как плохо во всём мире обращаются с животными!

– Я подумаю, – повторил учитель и, обогнав меня, зашагал к школе. Мне кажется, он пытался от меня убежать.

Ужас, как учителя готовы придушить любую инициативу.

В спортзале мы помогли Алексу дойти до мужской раздевалки.

– Справлюсь, – ответил он на моё предложение помочь ему переодеться.

– И я, – сказала Петра, – и я могу помочь!

Барбка только кивала. Наверное, у неё нет Алексова номера, иначе она бы ему уже давно прислала кучу сообщений.

– Ну ладно, – сказала я, – мучайся сам. – Я точно знаю, что он отказался от помощи из-за Петры и Барбки. Если бы я была одна, он бы согласился, а так – только покраснел. – Мы классной скажем, что ты не придёшь на последний урок, потому что упал и расшибся.

– Расшибся, – повторила Петра.

– Упал, – к моему великому изумлению, сказала Барбка и посмотрела на Алекса, как будто впервые его видит. Ясно. Значит, Алекс и Барбке тоже нравится. Она бы не стала просто так тратить силы, чтобы открыть рот.

Мы отправились в класс. Все, конечно, уже знали, что произошло. Даже классная – наша литераторша – знала, потому что Барбка прислала ей целое письмо по телефону.

– Алекс пойдёт домой, – сказала я ей, – он в состоянии шока, а в таком состоянии невозможно сконцентрироваться на учёбе.

– Я в принципе согласна, – ответила учительница, – но у меня есть одно замечание. Можно я его выскажу, дорогая наша Ника?

Я кивнула.

– Конечно можно, уважаемая госпожа учительница. – Если она хочет иронизировать, почему бы и мне не ответить тем же.

– Я просто думаю, – сказала она, – что это я должна была разрешить Алексу отправиться домой. А не ты.

– Уважаемая госпожа учительница, – сказала я, – Алекс получил травму, но домой он должен пойти не из-за физической, а из-за психологической травмы...

– Садись.

– Любая травма – это шок. Стресс. Можно вообще-то провести об этом целое занятие, если...

– Садись, говорю! – настойчиво повторила учительница и даже направила на меня указательный палец.

Поскольку более умный и более терпеливый должен уступить, как говорит папа, я пошла и села на своё место.

За этим последовала скука смертная. Мы разбирали домашнее чтение – «Маленького принца» Экзюпери и «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» Баха. Не композитора, а Ричарда Баха, американского писателя. Когда мне было четыре года, папа читал мне обе эти книги. «Маленького принца» по-французски, а «Чайку» по-английски. В первом классе это были мои любимые книги. А теперь мне надо делать вид, будто я обе истории слышу в первый раз.

– Отлично, Ника, – время от времени повторяла наша классная, – ты очень хорошо знаешь эти книги, но, пожалуйста, дай другим возможность немножко подумать.

Короче, последний урок был невероятно скучный. Потом мы отправились домой: я, Петра, Барбка, Милан и Матевж. Нам всем по пути. Они как-то ко мне приклеились. Мне кажется, они ко мне очень хорошо относятся. Когда осенью я пришла в их класс, меня приняли очень радушно.

В класс я пришла одна. Мама с папой в первый день хотели так или иначе меня проводить. Сначала они вообще намеревались прийти всей семьёй, но от этого я их, слава богу, отговорила. В конце концов мама осталась в машине, а папа дошёл со мной до актового зала, где я представилась классной руководительнице. Она сказала мне, где класс, и я сразу туда отправилась. А папа остался с ней поговорить. Когда я вошла в класс, они все на меня уставились. Я поздоровалась по-французски. Не знаю почему; мне показалось, что так будет прикольно. Я сказала им: «*Je suis votre nouveau camarade de classe*». Они ничего не поняли, только Барбка пробормотала: «Француженка». Все изумлённо на неё посмотрели. Я подумала: это потому, что она самая умная (что правда), но на самом деле они были изумлены, что она вообще что-то сказала.

– *Dites-moi, s'il vous plaît, où puis-je m'asseoir?* – спросила я, уже совсем их запутав; при этом я пыталась продемонстрировать, что имею в виду. Я показала на себя, потом на парту, потом опять на себя (и слегка присела) и ещё раз на себя. Они глядели на меня с диковатым видом. Алекс даже сказал: «Кажется, она хочет в туалет», остальные только удивлённо кивали.

Я ещё раз повторила все движения и нарочно несколько усложнила свою пантомиму. Они пришли в полное замешательство. «Может, она хочет танцевать?» – «Нет, она собирается у нас тут подмести пол». – «Нет-нет, спрашивает, где она оказалась и где автобусная остановка. Я бы её с удовольствием куда-нибудь отправила». – «Может, она из Африки?» – «Чего это из Африки?» Их спасла наша классная, которая вошла в кабинет и представила меня:

– Это ваша новая одноклассница, Ника.

Матевж сказал:

– Мы уже в курсе, ага. Француженка.

– Как мы с ней будем общаться? – спросила Петра. – Я вообще не знаю французского.

Классная руководительница удивлённо на меня посмотрела. Я рассмеялась и сказала, что немножко пошутила. Сначала они рассердились, но потом тоже стали смеяться. Мне пришлось им рассказать, откуда я знаю французский, что папа – участник программы ООН по охране природы и работал в Париже, что за два года я там всё выучила. Что теперь мы тут, и всё *très bien*. Было очень весело. Только классная улыбалась как-то мрачновато.

Так что я подружилась с одноклассниками в первый же день. По дороге из школы меня сопровождало человек десять. Алекс, Барбка, Петра, конечно, и ещё Матевж и Милан...

– Дашь мне телефон? Пожалуйста, – попросила Барбка. Это было первое предложение, с которым она ко мне обратилась. И чуть ли не последнее. По крайней мере, такое развернутое. Даже два предложения, а не одно! Все очень удивились. С этого дня вот уже восемь месяцев я регулярно получаю от неё сообщения. В первый же день телефон у меня стал постоянно пищать. Папа удивился: «У тебя какой-то ухажёр новый?» Барбку интересовало всё. Сколько времени мы провели во Франции. Что я делаю в следующие выходные. Как выглядит Эйфелева башня. Была ли я там на самом верху. И как оно. Есть ли облака вокруг. И правда ли, что наверху постоянно идёт дождь, а в башню всё время ударяют молнии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.